

НИККОЛО МАКИАВЕЛЛИ

МАНДРАГОРА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Каллимако.
Сиро.
Мессер Нича.
Лигурио.
Сострата.
Тимотео, монах.
Прихожанка.
Лукреция.

КАНЦОНА,

исполняемая хором нимф и пастухов
перед началом комедии¹

При нашем кратком веке
не поскупился Рок
и стольким мукам каждого обрек, —

и мы желаньям волю
даем, за годом прожигая год:
кто радостную долю
отвергнет ради горя и невзгод,
себя уверил тот,
что все соблазны мнимы
и нет перипетий,
которые почти невыносимы.

От скуки бесконечной
в леса мы удалились навсегда
и в праздности беспечной
проводим время — скука нам чужда.
Мы потому сюда
сегодня поспешили
и вам поем сейчас,
что праздник ваш и вас почтить решили.

Сюда нас также имя
того, кто вами правит, привело,
кто чувствами благими

¹ Стихи в комедии переведены Е. Солоновичем.

исполнен, — разве вам не повезло?
И на душе светло,
да будет он прославлен:
цените своего
владыку и того, кем он поставлен.

ПРОЛОГ

Любезный зритель, Бог тебя храни!
Своим расположеньем
ты радуешь и вдохновляешь нас.
Внимая нам, шуметь повремени —
и новым приключеньем
тебя потешим мы, начав показ.
Флоренцию как раз
ты видишь, добрый зритель,
сам — флорентийский житель.
А в будущем тебя мы уморим
тем, что покажем Пизу или Рим.

Направо от меня ты видишь дверь
синьора, что прилежно
Баранция читал, зубря закон.
Там — улица Амура, где, поверь,
паденье неизбежно
и где удел прохожих предрешен.
И если прежде сон
тебя не одолеет,
узнаешь, кто имеет
в Господнем храме, что напротив, кров:
приор или аббат — кто он таков.

А тут, налево, юноша живет —
Гваданьи Каллимако,
что из Парижа только прикатил.
Он благородным у друзей слывет
недаром — и, однако,
обманом даму скромную смутил.
Он пылко полюбил,
как станет вам известно,
и поступил нечестно,
а впрочем, я безмерно был бы рад,
чтоб вас надули так же — всех подряд.

Спектакль, что вам увидеть предстоит,
зовется «Мандрагора»,
а почему — узнаете потом.
Не очень сочинитель знаменит,
но будет вам умора,
а нет — он угощает вас вином.

С мессером простаком,
с влюбленным вертопрахом
и грешником монахом
вы нынче встретитесь, и, наконец,
вас позабавит парасит-шельмец.

И если легкомысленный сюжет
украшит вряд ли имя
того, кто мудрым бы считаться рад, —
корить за легкость автора не след:
затейми пустыми
он скрасить хочет дней унылый ряд.
Он обратил бы взгляд
к серьезнейшим предметам,
однако под запретом
другие начинанья для него:
за них ему не платят ничего.

Одна награда только суждена —
та, что любой кривится
и все, что зрит и слышит, — все клянет.
Вот и не могут наши времена
с далекими сравниться,
достигнуть благородных их высот.
И, зная наперед,
что лишь хулу получит,
никто себя не мучит:
зачем терпеть лишенья, если труд
туманы скроют, ветры разорвут?
Но если кто-то, автора чества,
желанье возымеет
смутить его, и присных в том числе, —
пусть знает, что и автор не дитя
и смолоду он отдал дань хуле;
что автор на земле,
где внятна речь Тосканы,

в любом найдет изъяны,
что он не преклонится, трепеща,
перед владельцем лучшего плаща.

Пускай себе злословит — наплевать!
Начнем по крайней мере,
не то мы вас оттяжкой утомим.
Что болтовне значенье придавать
или бояться зверя,
какого и не видели живым!
Вот Каллимако. С ним
слуга из дома вышел
и план его услышал.
Вниманье, зритель! И пока не жди
подробностей о том, что впереди.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Каллимако, Сиро.

Каллимако. Обожди, постой! Мне надо с тобой потолковать.

Сиро. Слушаю.

Каллимако. Ты, полагаю, изрядно изумился внезапному моему отъезду из Парижа, а теперь, поди, дивишься тому, что я вот уже месяц торчу во Флоренции и бездельничаю?

Сиро. Ваша правда, дивлюсь.

Каллимако. Если прежде я не сказывал тебе того, что скажу теперь, то вовсе не по недоверию к тебе, а так, памятуя, что всяк, кто желает сохранить что-либо в тайне, должен держать язык за зубами... покуда не заставит крайняя нужда. Но уж поскольку без твоей помощи мне не обойтись, выложу тебе все как на духу.

Сиро. Я слуга, а слуге не след совать нос в хозяйские дела, он не должен выпытывать да выслеживать, разве сам хозяин пожелает поделиться с ним своими секретами. А вот тогда уж слуга обязан расстараться всюю. Так я поступал всегда и намерен поступать впредь.

Каллимако. Знаю, знаю. Ты, верно, не менее тысячи раз слышал от меня, а теперь услышь и в тысячу первый, что, когда мне исполнилось десять лет и я остался круглым сиротой, опекуны отправили меня в Париж, где я и пробыл ровнехонько двенадцать

лет, ибо на десятом году моего там пребывания королю Карлу угодно было вторгнуться на нашу землю и тем положить начало нескончаемым итальянским войнам, разорившим нашу Флоренцию; так вот я и распустился за благо домой не возвращаться, а оставаться в Париже, где я чувствовал себя привольнее и безопаснее.

С и р о. Да уж это так, ничего не скажешь.

К а л л и м а к о. И вот, поручив распродать во Флоренции все свое имущество за исключением отчего дома, я остался в Париже, где и провел еще десять счастливых лет...

С и р о. Знаю.

К а л л и м а к о. ...деля время между учеными занятиями, развлечениями и торговыми делами; во всем этом я успевал, да так, что ни одно из сказанных дел не страдало. И потому, как ты знаешь, я жил счастливо, доставляя радость своим ближним, никого не обижая, сохраняя приятственные отношения с дворянами и мещанами, чужестранцами и людьми местными, бедняками и богатыми.

С и р о. Сущя правда.

К а л л и м а к о. Но Судьбе, видать, показалось, что уж слишком безмятежно я там живу, и она решила подослать в Париж некоего Камилло Кальфуччи.

С и р о. Кажется, я начинаю догадываться о вашей занозе.

К а л л и м а к о. Сказанного Кальфуччи я частенько приглашал вместе с другими земляками-флорентийцами к себе домой. И вот как-то раз, когда беседовали мы о том о сем, у нас возгорелся спор: кто красивее — итальянки или француженки.

В Италии я был еще мальчонкой и потому ввязываться в этот спор не почел себя вправе, а вот другой флорентиец взял сторону француженок, а Камилло — итальянок. И долго они препирались на этот предмет, и под конец Камилло, обозлившись, сказал, что если бы даже все итальянки были уродками, то и тогда одна только его родственница не дала бы посрамить итальянских женщин.

С и р о. Теперь мне ясно, о чем хотите вы мне поведать.

К а л л и м а к о. И он назвал мадонну Лукрецию, жену мессера Ничи Кальфуччи, красоту и повадки ее он

так перевозносил, что всех нас лишил не только сна, но и дара речи. Во мне же он возжег такое желание ее увидеть, что я, оставив какие бы то ни было сомнения и не помышляя более ни о войне, ни о мире в Италии, положил вернуться сюда. Приехав же, убедился воочию, что молва о мадонне Лукреции суцая чепуха по сравнению с явью. А это, как ты знаешь, случается далеко не часто. Словом, я так распалился желанием обладать ею, что не нахожу себе места.

С и р о. Когда б вы мне сказали об этом в Париже, я бы сумел подать вам добрый совет, а нынче не знаю, что и сказать.

К а л л и м а к о. Открылся я тебе вовсе не ради совета, но отчасти чтобы излить душу, а еще для того, чтобы подвигнуть тебя на помощь, буде она мне понадобится.

С и р о. Постараюсь не подкачать. А есть хоть какая надежда?

К а л л и м а к о. Увы, никакой или почти никакой. Скажу тебе прямо: первейшим препятствием является честнейшая ее натура, чуждая любовным помыслам; во-вторых, муж у нее очень богат, да к тому же находится у нее под башмаком. Верно, что он очень молод, но вроде бы и не слишком стар. Родственников или друзей, с которыми бы она проводила разные там праздники да вечеринки, у нее нет. Нет в ее доме пронирыливых мастеровых, а прислуга обоего пола перед нею трепещет. Стало быть, о подкупе и думать нечего.

С и р о. Так что же вы думаете предпринять?

К а л л и м а к о. Вообще-то положения, из которого не было бы решительно никакого выхода, на свете не бывает. И пока теплится хоть малейшая надежда, человек не должен впадать в отчаянье.

С и р о. А все-таки?

К а л л и м а к о. Тусклые свои надежды возлагаю я, во-первых, на простоту мессера Ничи: он хоть и носит докторскую мантию, но второго такого простофили не сыщешь во всей Флоренции. Во-вторых, на страстное желание супругов иметь детей: уже шесть лет они женаты, богатство имеют огромное, а кому его оставить, если нет детей? Ну и, в-третьих, на былую гульливостъ маменьки Лукреции. Бабенка она была разбитная, но теперь, когда она зажила в таком достатке, я уж, право, не знаю, как к ней подступиться.

С и р о. Но хоть что-то вы пытались предпринять?

К а л л и м а к о. Самую малость.

С и р о. Что именно?

К а л л и м а к о. Ты знаешь Лигурио, того, что вечно норовит подкормиться за моим столом? Когда-то он был поверенным по брачным делам, а потом стал прихлебателем в богатых домах. Но поскольку человек он презабавный, то вот мессер Нича и свел с ним дружбу, и Лигурио вечно над Ничей подтрунивает. И хотя Нича за свой стол его не сажает, но иной раз ссужает его деньжишкой. Я нарочно сдружился с Лигурио и открылся в своих чувствах к Лукреции. Лигурио поклялся помогать мне руками и ногами.

С и р о. Глядите только, чтоб не надул. Эти лизоблюды — народ ненадежный.

К а л л и м а к о. Так-то оно так. Но раз уж я ему открылся, то хочешь не хочешь, а для пользы дела надо ему верить. Тем более что в случае успеха он получит от меня изрядный куш. А коли дело сорвется, то пусть утешится обедом и ужином; мне не жаль, ведь ты знаешь, что я все равно один за стол не сажусь.

С и р о. И что же обещал этот процельга?

К а л л и м а к о. Обещал уговорить мессера Ничу отправиться в мае на целебные воды.

С и р о. А вам-то с этого какой прибыток?

К а л л и м а к о. Какой, говоришь? Да ведь возможно, что пребывание на водах изменит ее привычки. В таких местах молодых тянет к развлечениям. Я тоже туда отправлюсь и, не жалея затрат, буду закатывать всякие празднества и увеселения. Быть может, мне удастся сойтись с ней и с ее муженьком. Да разве наперед все предусмотреть? Так, мало-помалу, а там, глядишь, время и подсобит нам.

С и р о. Придуманно не так уж дурно.

К а л л и м а к о. Сегодня, уходя от меня, Лигурио обещал поговорить с Ничей об этой поездке, а потом пересказать их разговор мне.

С и р о. Вот оба наших голубчика.

К а л л и м а к о. Спрячусь-ка я покамест, чтобы потом сразу перехватить Лигурио, едва он расстанется с этим ученым мужем. А ты сыпь домой и займись своими делами. Если потребуешься — я тебя кликну.

С и р о. Я пошел.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Н и ч а, Л и г у р и о.

Н и ч а. Сдается мне, что совет твой недурен. Вчера я говорил об этом с женой. Она обещала подумать и сегодня дать ответ. Ну а если сказать по правде, то не лежит у меня душа к этой поездке.

Л и г у р и о. Почему же?

Н и ч а. Мне всегда тяжело стронуться с места. Всякие там сборы, жена, прислуга, барахло... Короче, не люблю я этих треволнений. Да и кроме того, вчера же вечером я говорил с разными врачами. И вот один шлет в Сан-Филиппо, другой советует ехать в Порретту, третий — в Виллу. Сами гусаки гусаками, а с каким важным видом несут всякий вздор!

Л и г у р и о. Да вы же злы на них лишь оттого, что, как сами только что сказали, вам до смерти не хочется покидать Флоренцию.

Н и ч а. Вовсе нет! В молодости я был очень легок на подъем. В Прато не бывало ярмарки, чтобы я на ней не присутствовал, и нет во всей округе местечка, в котором бы я не побывал. Да что в округе! Я и в Пизе, и в Ливорно бывал!

Л и г у р и о. Стало быть, видели пизанскую карруколу?

Н и ч а. Верруколу, хотел ты сказать.

Л и г у р и о. Да, да, именно Верруколу. А в Ливорно море видели?

Н и ч а. Еще бы не видел!

Л и г у р и о. А оно много больше Арно?

Н и ч а. Какое там Арно! Да оно в четыре, в шесть... в семь раз больше: сплошь вода, вода, вода...

Л и г у р и о. Вот я и удивляюсь, как это вы, где только не успевший помочиться, боитесь съездить на какие-то жалкие воды.

Н и ч а. Эх ты, молокосос! Думаешь, такой пустяк — перевернуть все вверх дном и куда-то нестись? Впрочем, я так хочу ребенка, что готов ради этого на любое безрассудство. Поговори-ка ты сам с этими учеными мужами, узнай, куда они присоветуют мне ехать, а я пойду к жене. Потом встретимся.

Л и г у р и о. Вы мудро рассудили.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Лигурио, Каллимако.

Лигурио. Не думаю, чтобы в мире сыскался больший осел! И как же при этом милостива к нему судьба, одарившая его богатством, красавицей женой, умной, благонравной, способной управлять не то что домом, но целым государством. Вот уж редко выходит по пословице: «Муж да жена — одна сатана», потому как частенько видим человека достойного, женатого на ведьме, и, напротив, женщину разумную — замужем за придурком. Впрочем, не будь Нича такой стоеросовой дубиной, на что бы еще мог надеяться наш несчастный влюбленный? Вот, кстати, и он сам. Кого ты там высматриваешь, Каллимако?

Каллимако. Да вот, углядев тебя с этим ученым мужем, я решил дождаться конца вашего собеседования и узнать, чего ты сумел добиться.

Лигурио. Ты же знаешь, что это за личность: и разумом не силен, а уж решительности ни на грош. Ему страсть не хочется трогаться из Флоренции. Но я его маленько подзадорил, и он под конец обещался пойти решительно на все. Полагаю, что если мы сами не передумаем, то эта поездка на воды состоится, хоть я и не уверен, добьемся ли мы главной своей цели.

Каллимако. Это еще почему?

Лигурио. Да ведь всяко может случиться! Ты же знаешь, что на эти воды съезжается народ разный и вполне может сыскаться человек, которому мадонна Лукреция понравится так же, как тебе, да к тому же он окажется еще богаче тебя, да и привлекательнее. Словом, не пойдут ли все наши труды прахом и не обернутся ли они на пользу кому-нибудь другому? Ведь обилие воздыхателей может сделать нашу красотку либо взыскательнее и неприступнее, либо размягчить и бросить в объятия другого счастливица.

Каллимако. Верно, может и так случиться. Но мне-то как быть? Что придумать? На что решиться? Я должен что-то предпринять — пусть что-то неслыханное, пусть опасное, пусть опрометчивое, пусть даже бесчестное... Лучше смерть, чем этакие муки. Когда б я был способен спать по ночам, есть, беседовать с друзьями, хоть чем-то отвлечься, тогда б я мог спокойно дожи-

даться благоприятного случая; сейчас же все мне представляется в полнейшем мраке, и, не возникни хоть ничтожная надежда, я больше не жилец на этом свете. А раз уж я приговорен к смерти, то ничего мне более не страшно, и я готов решиться на поступок самый дикий, жестокий и бесчестный.

Л и г у р и о. Зачем уж так! Надо обуздывать душевные свои порывы.

К а л л и м а к о. Ты же понимаешь, что, обуздывая их, я только еще пуще растрavляю себя. А потому надобно либо выпроводить Ничу на воды, либо попытаться сыскать другой какой способ, могущий подать надежду, пусть даже ложную, которая хотя б отчасти умягчила душевные мои муки.

Л и г у р и о. Ты прав, и я готов всячески тебе содействовать.

К а л л и м а к о. Верю, хотя и знал, что людишкам вроде тебя — их хлебом не корми, только дай когонибудь надуть. Надеюсь, впрочем, что со мной ты так не поступишь, ибо если я что-либо подобное замечу, то мигом откажу тебе от дома, да и обещанного вознаграждения не видать тебе как своих ушей.

Л и г у р и о. В преданности моей не сомневайся; ведь если бы я даже и не жаждал вознаграждения, на которое, правду сказать, сильно рассчитываю, то и тогда желание твое настолько мне понятно, что я хочу его исполнения ничуть не меньше, чем ты сам. Но бросим этот разговор. Ученейший мой друг поручил мне отыскать врача, который бы точно указал, на какие воды следует ехать. Послушай: я представлю тебя Ниче и скажу, что ты изучал медицину и даже имел в Париже некоторую практику. Нича легко поверит, во-первых, потому, что он болван болваном, а во-вторых, потому, что ты человек ученый и можешь вкрутить ему что-нибудь по-латыни.

К а л л и м а к о. Что же это нам даст?

Л и г у р и о. Поможет спровадить его на те воды, на какие мы хотим, а быть может, даже повернуть одну штуку, которую я измыслил, и штука эта мне кажется вернее, прямее и легче осуществимее, чем воды.

К а л л и м а к о. Правда?

Л и г у р и о. Вот те крест! Соберись с духом, доверься мне, и мы обтяпаем это дельце не далее как завтра к этому же часу. И окажись Нича не таким

ослом, за какого мы его принимаем, попробуй он даже допытываться, лекарь ты на самом деле или нет, недостаток времени да и необычность дела не позволят ему в этом разобраться; а если даже и разберется, то все равно помешать не успеет.

К а л л и м а к о. Ты возвращаешь мне жизнь! Обещание твое столь невероятно, что ты вселяешь в меня, быть может, слишком великую надежду. Что ты надумал?

Л и г у р и о. Узнаешь в должное время, теперь некогда об этом рассуждать, ибо времени в обрез на самое дело, а не то что на порожные разговоры. Отправляйся домой и жди меня там, а я пойду за Ничей, и если приведу его к тебе, то ты внимательно следи за тем, что я буду говорить, и соответственно себя веди.

К а л л и м а к о. Исполню все в точности, хотя и боюсь, что внушаемая тобой надежда развеется как дым.

КАНЦОНА

Кто не изведал, как
могуч Амур, немало ошибется,
когда назвать возьмется
первейшее среди небесных благ.
Он знать не может, как за шагом шаг
все дальше от безбедных дней уходят,
как, больше, чем себя,
другого полюбя,
надеждой сердце, трепетом изводят
и как не только в людях — и в богах
твой арсенал, Амур, рождает страх.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Лигурио, Нича, Сиро.

Л и г у р и о. Вот видите, не иначе как сам Господь Бог ниспослал вам того, кто способен помочь исполнению сильнейшего вашего желания. В Париже этот человек имел богатейшую практику, а вот тому, что здесь, во

Флоренции, он не занимался своим искусством, вы не поражайтесь. Тому есть две причины: во-первых, он достаточно богат, а во-вторых, он вот-вот собирается вернуться в Париж.

Н и ч а. В этом-то, братец мой, и вся загвоздка! Только размечаешься, а тут как раз и останешься с носом.

Л и г у р и о. Пусть вас это не тревожит: только бы он взялся за лечение; а уж коли возьмется, то не бросит, покамест не добьется своего...

Н и ч а. Стало быть, я полагаюсь на тебя, а вот что касается учености, то я уж и сам мигом определю, чего она стоит. Меня на мякине не проведешь!

Л и г у р и о. Вот-вот, именно оттого, что вас-то я знаю, я и веду вас к нему, дабы вы сами поговорили. И ежели, поговорив с вами, он не покажется вам по внешности своей, по своей учености и приятности обращения человеком, на которого можно положиться как на самого себя, то можете плюнуть мне в глаза.

Н и ч а. Ну что ж, тогда, благословясь, пошли. Где он живет?

Л и г у р и о. Да на этой площади: вон его дверь, как раз против вашей.

Н и ч а. В добрый час.

Л и г у р и о. Вот мы и пришли.

С и р о. Кто там?

Л и г у р и о. Каллимако дома?

С и р о. Дома.

Н и ч а. Почему не говоришь ты «маэстро Каллимако»?

Л и г у р и о. Он на это чихает.

Н и ч а. Чихает или не чихает, а ты величай его как должно.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Каллимако, Нича, Лигурио.

Каллимако. Кто там ко мне?

Нича. *Bona dies, domine magister*¹.

Каллимако. *Et vobis bona, domine doctor*².

Лигурио. Ну как?

¹ Добрый день, господин магистр (лат.).

² И вам день добрый, господин доктор (лат.).

Н и ч а. Недурно, клянусь святцами.

Л и г у р и о. Если хотите, чтобы я участвовал в разговоре, то говорите так, чтобы я понимал, иначе гусь свиные не товарищ.

К а л л и м а к о. Чем могу служить?

Н и ч а. Да как вам сказать? Хотелось бы потолковать о двух вещах, которых иной бы разумно старался избежать, то есть хлопотах для себя и для своих близких. У меня, видите ли, нет детей, и вот для того, чтобы взвалить на себя эту ношу, я решился побеспокоить вас.

К а л л и м а к о. Помилуйте, да разве это беспокойство — услужить вам или другим, столь же достойным и прекрасным людям! Да и для чего же я столько лет трудился в Париже, как не для того, чтобы служить людям, подобным вам!

Н и ч а. Великое вам спасибо. А когда вам понадобится мое искусство, считайте, что я целиком к вашим услугам. Но вернемся *ad rem nostram*¹. Скажите, какие, по-вашему, целебные источники помогли бы моей жене зачать ребенка? Я знаю, что Лигурио уже говорил вам о том, о чем я говорю сейчас.

К а л л и м а к о. Сказать-то он сказал, но для того, чтобы исполнить ваше желание, надобно знать причину бесплодия вашей супруги, ибо причины бывают разные. *Nam causae sterilitatis sunt: aut in semine, aut in matrice, aut in strumentis seminariis, aut in virga, aut in causa extrinseca*².

Н и ч а. Да это самый достойный человек на свете!

К а л л и м а к о. Помимо того, причиной бесплодия может быть ваше бессилие, а уж коли так, то тут уж ничего не поможет.

Н и ч а. Мое бессилие? Да вы что, хотите уморить меня со смеху? Не думаю, что во всей Флоренции отыщется еще второй такой крепыш по этой части, как я.

К а л л и м а к о. В таком случае будьте уверены, что мы отыщем верное средство.

Н и ч а. А не найдется ли средства помимо целебных вод? Уж очень мне не хочется затевать всю эту кутерь-

¹ К нашим делам (*лат.*).

² Ибо причины бесплодия заключаются либо в семени, либо в матке, либо в семенном аппарате, либо в мужском органе, либо во внешних причинах (*лат.*).

му с отъездом, да и жене не любо расставаться с Флоренцией.

Л и г у р и о. Наверняка найдется! Еще как найдется! Просто Каллимако излишне осторожен. Разве не сказали вы сами, что знаете такое питье, которое хоть кого заставит забрюхатеть?

К а л л и м а к о. Конечно, есть такое питье. Но я имею дело с людьми, которых не знаю, и потому не хотел бы, чтобы они приняли меня за шарлатана.

Н и ч а. Во мне не сомневайтесь, ибо своими достоинствами вы привели меня в такое восхищение, что я готов поверить любому вашему слову и выполнить любое ваше предписание.

Л и г у р и о. Полагаю, что вам прежде всего необходимо исследовать мочу.

К а л л и м а к о. Конечно, без этого никак не обойтись.

Л и г у р и о. Кликните Сиро, пусть он сходит с доктором к нему домой, возьмет мочу, а мы подождем его тут.

К а л л и м а к о. Сиро, сходи с ним. А вы, магистр, если надумаете, возвращайтесь побыстрее, и мы вместе пораскинем умом, что делать дальше.

Н и ч а. Как это «если надумаю»? Я вмиг вернусь, ибо уповаю на вас больше, чем венгерец на свою шпагу.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Н и ч а, С и р о.

Н и ч а. Твой хозяин истинно великий человек.

С и р о. Да побольше, чем вы думаете.

Н и ч а. С ним, поди, считается сам король Франции.

С и р о. И еще как!

Н и ч а. Наверное, по этой-то причине он и любит Францию.

С и р о. А по какой же еще!

Н и ч а. И отлично делает. В наших краях — одни невежды да выжига на выжиге, истинная добродетель тут не в цене. Если бы твой хозяин жил здесь, то никто б на него даже не взглянул. Уж я-то на собственной шкуре это испытал... я, который не одну пару штанов

просидел, изучая латынь; кабы не наследство — хорош бы я был!

С и р о. Дукатов сто в год зарабатываете?

Н и ч а. Гроша ломаного не зарабатываю! Тут, во Флоренции, на того правоведа, который не состоит на правительственной службе, и собака не тявкнет. Вот и побирайся за поминальным да за свадебным столом или день-деньской бей баклуши в проконсульской прихожей. Мне-то на это наплевать, я ни в чем нужды не испытываю и ни от кого не завишу. Всем бы так жилось. Впрочем, мне бы не хотелось, чтобы слова мои дошли до чужих ушей, дабы не накликать на себя холеру в виде налога, а то чего-нибудь и похуже.

С и р о. Будьте покойны.

Н и ч а. Вот мы и дома: обожди меня здесь, я мигом вернусь.

С и р о. В час добрый, ступайте.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

С и р о, один.

С и р о. Когда бы все законники были скроены по мерке Ничи, уж чего бы только мы не натворили! Яснее ясного, что этот проходимец Лигурио и ошалевший мой хозяин доведут его до какого-нибудь срама. Пусть себе озоруют, лишь бы не получилось огласки, ибо в сем случае я рискую жизнью, а хозяин мой — и жизнью и имуществом. И так уж он заделался врачом! Не знаю — что у них на уме и чего они добиваются? Но вот и магистр с урыльником в руке. Кого не рассмешит это огородное пугало?

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Н и ч а, С и р о.

Н и ч а. Я тебе потакал буквально во всем, а теперь изволь слушаться меня. Если бы я знал, что у нас не будет детей, то скорее женился бы на простой крестьянке... Ты тут, Сиро? Ступай за мной. Уф, как долго пришлось уламывать эту дуреху, чтобы она согласилась

наконец дать мочу! И дело не в том, что она не хочет иметь детей, она еще пуще меня этого желает, но как только я попрошу ее хоть пальцем шевельнуть для этого — начинается истерика!

С и р о. Наберитесь терпения; ласковым словом женщину можно склонить на что угодно.

Н и ч а. Ласковым словом? Осточертели мне эти ласковые слова! Беги, Сиро, скажи маэстро и Лигурио, что я тут.

С и р о. Да вот они и сами тут как тут.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Лигурио, Каллимако, Нича.

Л и г у р и о. Ученого-то мужа не трудно будет уговорить, а вот жену потруднее, но и тут отыщется средство.

К а л л и м а к о. Принесли мочу?

Н и ч а. Она у Сиро, под плащом.

К а л л и м а к о. Давай сюда. О! Вот признак того, что слабоваты почки.

Н и ч а. Да и мне она кажется мутноватой, а ведь вроде совсем свежая.

К а л л и м а к о. Нет ничего удивительного. *Nam mulieris urinae sunt semper maioris grossitiei et albedinis et minoris pulchritudinis quam virorum. Huius autem, in caetera, causa est amplitudo canalium, mixtio eorum quae ex matrice exeunt cum urina*¹.

Н и ч а. Уф-фа, клянусь невинностью святого Пуччо! Да он просто с каждой минутой становится любезнее моему сердцу. Поглядите, как лихо он разбирается в этой материи.

К а л л и м а к о. Боюсь, не мерзнет ли она у вас по ночам? Не оттого ли у нее и моча мутная?

Н и ч а. Да нет, я уж такого наддаю ей жара... Впрочем, перед тем как улечься, она часа по четыре простаивает на коленях, бормоча молитвы, и, стало быть, терпит холод по собственной дурости.

¹ Женская моча всегда гуще и мутнее мужской. Причина этого заключается, между прочим, в ширине каналов и смешении мочи с выделениями из матки (*лат.*).

К а л л и м а к о. И наконец, высокочтимый друг мой, или вы доверяете мне, или нет, а соответственно этому либо я укажу вам верное средство, либо нет. Если верите и согласитесь на него, то ровно через девять месяцев, считая с сегодняшнего дня, женушка ваша будет баюкать на руках прелестного малютку. Коли не так — готов вам заплатить две тысячи дукатов наличными.

Н и ч а. Не тяните; что же это за средство? Ведь я во всем готов следовать вашим советам, а уж верю я вам больше, чем своему духовнику.

К а л л и м а к о. Должно вам знать, что нет средства более надежного для того, чтобы женщина забрюхатела, как дать ей выпить настоя мандрагоры. Средство это испытано мною многократно, и всякий раз с неизменным успехом. Не будь его, королева Франции так и осталась бы бесплодной, а равно и другие знатные дамы этого королевства.

Н и ч а. Да ну?

К а л л и м а к о. Никаких «ну». Судьба же так к вам благосклонна, что у меня оказалось все необходимое для этого питья, и вы можете получить его хоть сегодня.

Н и ч а. А когда она должна принять его?

К а л л и м а к о. Сегодня после ужина, ибо луна как раз находится в нужной фазе и времени более благоприятного нам не дождаться.

Н и ч а. Ну тогда дело слажено. Готовьте питье, а я заставлю жену выпить его.

К а л л и м а к о. Есть тут, впрочем, одна загвоздка: тот, который переспит с ней после этого снадобья, умрет ровно через восемь дней, и тут уж ничто не сможет его спасти.

Н и ч а. Ну уж черта с два! Не желаю я вашего пошла, меня на удочку не подцепишь. Эк куда хватили!

К а л л и м а к о. Успокойтесь, и тут есть выход.

Н и ч а. Какой?

К а л л и м а к о. Заставить переспать с ней другого, и тот примет всю эту отраву на себя. После чего можете нежиться со своей женой сколько влезет, и без всякой притом опаски.

Н и ч а. Нет, мне это не подходит.

К а л л и м а к о. Почему?

Н и ч а. Да потому, что не желаю делать свою жену публичной девкой, а себя рогачом.

К а л л и м а к о. Как это вы, такой умный и ученый

человек, можете так рассуждать? О, вы вовсе не такой мудрец, каким мне казались. Неужели вы не решаетесь сделать то, что сделал сам король Франции и множество других именитейших особ?

Н и ч а. Да где же я сыщу такого болвана, который бы решился на подобное безумие? Если я предупрежу его, он, понятно, не пожелает; если не предупрежу — то, стало быть, сознательно обману, а это подсудно трибуналу Восьми. А мне вовсе не улыбается угодить в его лапы.

К а л л и м а к о. Если ничто другое вас не беспокоит, то предоставьте все это уладить мне.

Н и ч а. А как вы это уладите?

К а л л и м а к о. Очень просто: я дам вам питье сегодня после ужина; вы дадите его жене и сразу же уложите ее в постель, этак часов в десять. После чего вы, Лигурио, Сиро и я перерядимся, выйдем, будто на прогулку по окрестным улицам, сцапаем первого попавшегося подгулявшего молодчика, завяжем ему глаза и, подгоняя палками, отведем в ваш дом. Затем, в полной темноте, проведем его в спальню и там уложим его в постель к вашей жене, предварительно объяснив, что нужно делать, а уж тут, ручаюсь, никаких затруднений не возникнет. На рассвете выпроводим его из дому, вы прикажете помыть супругу и возляжете с ней в свое удовольствие, не опасаясь никаких последствий.

Н и ч а. Я не против. Тем более, как ты говоришь, король, принцы и другие сиятельные господа — все так поступали, но лишь бы про это кто не пронюхал, к великой радости треклятой «Восьмерки»!

К а л л и м а к о. Да кто же может пронюхать?

Н и ч а. Так-то оно так, но все же остается еще одно немаловажное препятствие.

К а л л и м а к о. Какое?

Н и ч а. Жена. Не думаю, что будет так легко ее уговорить.

К а л л и м а к о. Верно. Но я бы не желал быть мужем жены, которую не мог бы заставить поступать по-моему.

Л и г у р и о. Я знаю, как помочь делу.

Н и ч а. Выкладывай.

Л и г у р и о. Нам поможет ее духовник.

К а л л и м а к о. А кто уговорит духовника?

Л и г у р и о. Ты, я, деньги, общая наша испорченность.

Н и ч а. Кроме того, жена вряд ли меня послушается и пойдет к духовнику за советом по такому делу.

Л и г у р и о. И тут есть выход.

К а л л и м а к о. Сказывай.

Л и г у р и о. Пусть ее уговорит мать.

Н и ч а. Ей она верит.

Л и г у р и о. Мать наверняка будет с нами заодно. Пошли, надо спешить, уже смеркается. Ты, Каллимако, ступай проветрись и помни, что в восемь часов мы зайдем к тебе. Зелье должно быть уже готово. Мы же с Ничей пойдем уговаривать мать. Ее я беру на себя. Потом сходим в монастырь к духовнику и обо всем известим вас.

К а л л и м а к о. Ах, не оставляйте меня одного!

Л и г у р и о. По-моему, ты просто ошалел от радости.

К а л л и м а к о. Что же мне делать все это время?

Л и г у р и о. Делай что хочешь. Флоренция велика, поброди по улицам.

К а л л и м а к о. Да я еле на ногах стою.

КАНЦОНА

Блажен, кто от рожденья глуп не в меру
и принимает все как есть на веру.
В нем честолюбья нет,
и страх ему неведом,
от коих столько бед,
ведущих к новым бедам.
Мечта законоведом
владеет — стать отцом,
но, будучи глупцом,
чтобы достичь того, о чем мечтает,
поверит он, что и осел летает.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Сострата, Нича, Лигурио.

С о с т р а т а. Я и раньше слыхивала, что разумный человек всегда выбирает из двух зол меньшее. Раз заполучить ребенка иным путем нельзя, то, стало быть, и этот сгодится. Конечно, не в ущерб своей совести.

Н и ч а. Святые слова.

Л и г у р и о. Вы поговорите с дочкой, а мы с мессером сходим к брату Тимотео, ее исповеднику, и все ему объясним, избавив вас от лишних хлопот и разговоров. Вот увидите, что он вам скажет.

С о с т р а т а. Договорились. Вы туда, а я к Лукреции, и, уж будьте уверены, я заставлю ее поговорить с монахом.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Н и ч а, Л и г у р и о.

Н и ч а. Быть может, Лигурио, тебе покажется удивительным, к чему прилагать столько усилий, чтобы уломать собственную жену, но кабы ты знал все как есть, то, поди, нисколько не удивился бы.

Л и г у р и о. Думаю, оттого это происходит, что все женщины ужасно подозрительны.

Н и ч а. Нет, не в этом суть. Лукреция всегда была на редкость кроткой и сговорчивой. Но вот однажды одна наша соседка сболтнула, что если Лукреция даст обет выстоять сорок заутрень у Сервитов, то забрюхатеет непременно. Лукреция дала обет и половину отстояла. Всего половину, потому как на двадцатый раз один из этих распутных монахов начал ее обхаживать, да так, что она больше не пожелала и ногой ступить в тамошнюю обитель. Скверно, что призванные служить примером поступают так подло. Верно я говорю?

Л и г у р и о. Еще бы, дьявол их раздери, еще бы не верно!

Н и ч а. Так вот, с той поры Лукреция вечно насто-роже. Что ей ни скажи — сразу подозревает недоброе.

Л и г у р и о. Тогда все понятно! Ну а как обошлось с обетом? Так вот и пошло все псу под хвост?

Н и ч а. Пришлось просить разрешения.

Л и г у р и о. И то дело. Кстати, если есть при себе, дайте двадцать пять дукатов. В подобных случаях приходится идти на издержки, надо же умягчить монаха да еще пообещать ему куш пощедрее.

Н и ч а. На, бери. Мне это тьфу, пустяк. С лихвой наверстаю на ком-нибудь другом.

Л и г у р и о. Все эти монахи ужасно продувные бес-тии! Оно, впрочем, и понятно, потому как им хорошо

ведомы и наши и собственные их грешки. И кто не имел с ними дела, легко может попасть впросак. Обведут вокруг пальца как миленького. А потому я бы не хотел, чтобы вы своими замечаниями испортили всю обедню, ибо ваш брат, сидящий битый день за учеными занятиями, разбирается в своих книгах, а в делах житейских ни бельмеса не смыслит. *(В сторону.)* Ведь этакий осел может любое дело сгубить.

Н и ч а. Сделано все, как ты велишь.

Л и г у р и о. Главное, не мешайте мне и молчите, покуда я не подам вам знак.

Н и ч а. Прекрасно. А какой знак ты мне подашь?

Л и г у р и о. Закрою один глаз и прикушу губу. Или нет! Сделаем иначе: сколько времени вы не виделись с братом Тимотео?

Н и ч а. Да уж лет десять.

Л и г у р и о. Превосходно. Я скажу ему, что за эти годы вы успели оглохнуть, и потому не отвечайте и ничего не произносите, разве только мы начнем сильно кричать.

Н и ч а. Понял.

Л и г у р и о. И не подавайте виду, если услышите что-либо такое, что вам может показаться противным нашей цели, потому как все мною сказанное будет лить на нашу мельницу.

Н и ч а. Бог в помощь.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Тимотео, прихожанка.

Тимотео. Коли хотите исповедоваться, приступим к делу.

Прихожанка. Только не сегодня. Меня ждут. Хватит и того, что я так, походя, хоть немного облегчила душу. Отслужили вы акафисты Богородице, которые я заказывала?

Тимотео. Конечно, как договорились.

Прихожанка. Вот вам флорин, и каждый понедельник в течение двух месяцев служите заупокойную по моему мужу. И хоть был он порядочной скотиной, а все же сердце не камень, плоть-то, поди, не чужая. Как

вспомню, так и захочу его... А как думаете, он в чистилище?

Тимотео. А где же ему быть еще?

Прихожанка. А я так не уверена. Вы же знаете, что он иногда со мной вытворял. Сколько раз я вам жаловалась на него. По возможности я, конечно, сторонилась сколько могла, но он бывал так настырен! О Господи, прости меня, грешную!

Тимотео. Не отчаивайтесь, милосердие Божье велико, и, если у человека есть желанье, покаяться никогда не поздно.

Прихожанка. А как вы думаете, турок нагрянет в этом году в Италию?

Тимотео. Если не будете молиться, всенепременно нагрянет.

Прихожанка. Не приведи Господь! Я страх боюсь, как бы эти нехристи не посадили меня на кол... А, вон там женщина, у которой моя пряжа, пойду к ней. Всего вам доброго!

Тимотео. Ступайте с миром!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Тимотео, Лигурио, Нича.

Тимотео. Правду говорят, что женщины самые сердобольные твари на свете, но зато и самые назойливые. Кто с ними не якшается, тот не знает докуки, но не знает и прибитка, а кто с ними путается — разом получает и то и другое. И то сказать — где мед, там и мухи... Эй, люди добрые, кого вы там ищете? Уж не мессера ли Ничу я вижу?

Лигурио. Громче говорите. Он оглох и почти ничего не слышит.

Тимотео. Добро пожаловать, мессере.

Нича. Доброго здоровья, святой отец.

Тимотео. Что вас привело сюда?

Нича. Все в порядке, благодарствую.

Лигурио. Обращайтесь ко мне, отец. Иначе вам придется так орать, что вся округа придет в смятение.

Тимотео. Чем могу служить?

Лигурио. Мессер Нича и еще один добрый чело-

век, о котором вы еще услышите, хотели бы пожертвовать на нищих несколько сот дукатов.

Н и ч а. Черта лысого!

Л и г у р и о. Молчите, чтоб вас... Это ведь совсем не много... Не удивляйтесь, отец, тому, что он говорит. Ведь он глухой, но иной раз ему кажется, будто он слышит. Вот он и брякает невпопад.

Т и м о т е о. Продолжай, а этот пусть себе мелет, что хочет.

Л и г у р и о. Часть денег при мне. И они хотят, чтобы эти деньги роздали вы по своему усмотрению.

Т и м о т е о. С превеликой охотой.

Л и г у р и о. Но прежде, чем пожертвование будет вам вручено, вы должны помочь в одном деликатном дельце, касающемся мессера. Вы один сумеете помочь там, где замешана честь всего его дома.

Т и м о т е о. Что это за дельце?

Л и г у р и о. Не знаю, знакомы вы с Камилло Кальфуччи, племянником мессера?

Т и м о т е о. Знаком.

Л и г у р и о. Год назад отправился он по каким-то своим делам во Францию и, не имея жены, поскольку она умерла, оставил свою взрослую дочь, девицу на выданье, в одном монастыре, название коего вам знать пока не следует.

Т и м о т е о. И что же приключилось с этой девицей?

Л и г у р и о. А то, что либо по беспечности опекавших ее монахинь, либо по собственной своей ветрености девица оказалась брюхатой на четвертом месяце. Стало быть, если не пособить беде, то доктор, монахини, девица, Камилло, вся семья Кальфуччи окажутся опозоренными. Доктор так близко принимает все это к сердцу, что дал обет пожертвовать триста дукатов на богоугодные дела в случае, если удастся избежать огласки.

Н и ч а. Что он несет?

Л и г у р и о. Молчите! И передает эти деньги в ваши руки, святой отец. Ведь только вы да настоятельница монастыря могут нам помочь.

Т и м о т е о. Каким образом?

Л и г у р и о. Убедив настоятельницу дать ей одно зелье, от которого она выкинет.

Т и м о т е о. Тут надо поразмыслить.

Л и г у р и о. Судите сами, сколько отсюда проистечет добра: вы спасете честь монастыря, честь девицы,

возвратите отцу дочь, угодите мессеру и всем его близким, раздадите столько подаваний, сколько сможете накроить из этих трехсот дукатов. С другой же стороны, вы губите всего-навсего комочек нерожденного бездушного мяса, который и без того мог бы сгинуть тысячью других способов. За благо я полагаю то, что приносит пользу и удовлетворение наибольшему числу людей.

Тимотео. Во имя Божье, будь по-вашему. Ради Создателя и сострадания к ближнему пусть все произойдет так, как вы желаете. Назовите монастырь, дайте питье, а по возможности и деньги, чтобы я не мешкая мог начать творить добрые дела.

Лигурио. Теперь я вижу, что вы именно тот подвижник, за какого я вас всегда почитал. Вот вам для начала двадцать пять дукатов. Название же монастыря... Простите! Вон там я вижу женщину, которая делает мне знаки. Я мигом обратно. Не оставляйте мессера. Я должен перекинуться с ней двумя-тремя словами.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Тимотео, Нича.

Тимотео. Сколько лет вашей девице?

Нича. Прямо чертовщина какая-то!

Тимотео. Я спрашиваю, сколько лет вашей девице?

Нича. Что б ему, сатане, провалиться!

Тимотео. Почему?

Нича. Да потому!

Тимотео. Вот уж угодил в передрагу! Один псих, другой глухарь. Один удирает, другой ничего не слышит. Впрочем, если деньги не фальшивые, то я сумею сыскать им лучшее применение... А вот и Лигурио!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Лигурио, Тимотео, Нича.

Лигурио. Будьте покойны, мессере. У меня прекрасная новость, святой отец.

Тимотео. Что за новость?

Лигурио. Женщина, с которой я только что раз-

говаривал, сообщила мне, что девица выкинула без нашей помощи.

Т и м о т е о. Прекрасно, стало быть, пожертвованные вами деньги пойдут в другой карман.

Л и г у р и о. Как так?

Т и м о т е о. Я хотел сказать, что теперь намерение ваше сделать крупное пожертвование становится еще уместнее.

Л и г у р и о. Пожертвование будет сделано всепременно, когда вы только захотите помочь этому учнейшему мужу еще в одном дельце.

Т и м о т е о. В каком же?

Л и г у р и о. Так, сущий пустяк. Дельце куда менее сложное и куда менее скользкое, но и более приятное нам, и более выгодное вам.

Т и м о т е о. Что именно? Вы так пришли мне по душе, что нет вещи, которую я бы для вас не сделал.

Л и г у р и о. Об этом я вам скажу в церкви с глазу на глаз, а учнейший доктор соблаговолит обождать нас здесь. Мы будем мигом обратно.

Н и ч а. Как сказала жаба бороне.

Т и м о т е о. Пошли.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Н и ч а, один.

Н и ч а. День сейчас или ночь? Сплю я или бодрствую? А быть может, я просто пьян? Но вроде бы я сегодня и в рот хмельного не брал, а прямо отправился сюда с этим несносным болтуном. Мы условливались сказать монаху одно, а он ляпнул другое, да еще требует, чтобы я притворялся глухим. А ведь и впрямь следовало бы заткнуть уши, подобно некоему герою рыцарских романов, дабы не слышать всей той чепухи, которую он Бог весть с какой целью городил! В итоге я уже лишился двадцати пяти дукатов, а о деле моем ни полслова не было сказано. А теперь еще оставили меня стоять тут вороньим пугалом... Впрочем, вот оба наши голубчика. Чума на них, если они не переговорили о моем деле!

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Тимотео, Лигурио, Нича.

Тимотео. Сделайте так, чтобы мать и дочь сегодня же пришли ко мне. Я знаю, что я должен сказать им, и если слово мое что-то да значит, то этой же ночью мы спарим наших ребятишек.

Лигурио. Мессер Нича, святой отец готов расшибиться в лепешку. А уж вы заставьте ваших женщин прийти сюда.

Нича. Ты меня воскресил. И у меня будет мальчонка?

Лигурио. Конечно, мальчонка.

Нича. Видишь, меня даже слеза прошибла от умиления.

Тимотео. Ты, Лигурио, пройди в церковь, а я подожду женщин здесь. Встань в сторонку, чтоб они тебя не увидели, и, как только они уйдут, я сообщу их ответ.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Тимотео, один.

Тимотео. Уж не знаю, кто кого облапошил. Этот паршивец Лигурио наплел мне первую историю, просто чтобы испытать меня, и, если б я не согласился, он не открыл бы мне истинной причины своего прихода. Конечно же, все то, что он нес про дочку Камилло Кальфуччи, — сплошные враки, но по бесстыдству своему он и не так может оболгать честного человека. Верно, что меня обвели вокруг пальца, но обман этот обернулся мне на пользу. Нича и Каллимако люди состоятельные, и я на глупости одного и плутне другого хорошо заработаю. Конечно, дело это нужно держать в строжайшей тайне, но ведь и они заинтересованы в том же ничуть не меньше моего. Как бы там ни было, но я не раскаиваюсь. Есть, конечно, у меня сомнение, что все пройдет так уж гладко, ибо мадонна Лукреция благочестива и простосердечна. Но ведь как раз на ее простосердечии я и постараюсь сыграть. У всех женщин ума маловато, и кто из них способен слепить хотя бы два

слова — слывет за умную, ибо, как говорится, в царстве слепых и кривой король. А вот и мамаша — дурица, какой свет не видывал. Она-то мне и поможет уговорить дочь.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Сострата, Лукреция.

С о с т р а т а. Полагаю, ты веришь, доченька моя, что я трепещу за твою честь, как никто другой, и что я бы тебе не присоветовала ничего такого, что не пошло бы тебе на пользу. Я уже говорила и еще раз повторяю: если отец Тимотео скажет, что это не пойдет в ущерб твоей совести, не найдет в том никакого греха, то нужно соглашаться, не раздумывая.

Л у к р е ц и я. Недаром я всегда боялась, как бы желание Ничи иметь детей не привело его к какому-нибудь опрометчивому поступку. И потому всегда, когда он что-нибудь мне предлагал, я заранее настораживалась, в особенности после того случая в монастыре Сервитов. Однако из всего того, что нами доселе было испробовано, это кажется мне самым чудовищным. Подумать только, отдать мое тело на поруганье, да еще ценой смерти того, кто над ним надругается. Да кабы я вообще оставалась одной-единственной женщиной на всем белом свете и от меня зависело продолжить человеческий род, то и тогда не думаю, чтобы такое мне было позволено!

С о с т р а т а. Доченька, я не сумею тебе толково объяснить. Поговори со святым отцом, послушай, что он тебе скажет, и поступи согласно его совету, нашему совету и советам всех тех, кто желает тебе добра.

Л у к р е ц и я. От таких страстей меня в холодный пот бросило.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Тимотео, Лукреция, Сострата.

Т и м о т е о. Добро пожаловать! Мне уже ведомо, чего хотите вы от меня, ибо мессер Нича со мной говорил. А потому более двух часов провел я над божественными книгами, дабы вникнуть в сей редкостный случай,

и вот после тщательных изысканий я нашел множество доводов, говорящих в частности и в целом в нашу пользу.

Лукреция. Вы это вправду говорите или шутите?

Тимотео. Ах, мадонна Лукреция! Разве с этим шутят? Вы ведь знаете меня не первый день!

Лукреция. Да, святой отец, но это кажется мне делом самым неслыханным и диким.

Тимотео. На первый взгляд да, конечно, но я бы не хотел, чтобы вы и в самом деле так думали. Существуют поступки, которые со стороны кажутся ужасными, дикими; однако же при ближайшем рассмотрении они оказываются и терпимыми и человеческими. Недаром говорят, что у страха глаза велики. И наш случай — вернейшее тому доказательство.

Лукреция. Дай-то Бог!

Тимотео. Я бы желал вернуться к тому, о чем говорил прежде. Что касается вашей совести, то вы должны руководствоваться тем бесспорным правилом, которое гласит, что нельзя жертвовать верным благом ради сомнительного зла. В нашем случае благо верное: вы забрюхатеете и, стало быть, доставите Господу нашему еще одну овцу. Сомнительное же зло в том, что тот, кто возляжет с вами после принятия зелья, умрет. Но ведь случается, что от этого и не умирают. Ну а коль скоро ручаться за это нельзя, то уж лучше, чтобы мессер Нича риску себя не подвергал. Что же касается самого действия, которое якобы греховно, то это пустые рассказы, ибо грешит воля, а не тело. А вот не угодить мужу — грех истинный. Вы же, напротив, ему угождаете. Грешно извлекать из того, что вам предстоит, наслаждение, вы же получите одно отвращение. Главное при оценке любых поступков — конечная цель. Ваша цель — попасть в рай и ублаготворить мужа. В Библии сказано, что дочери Лота, полагая, будто остались одни на свете, сошлись с собственным отцом, а поскольку намерение их было добрым, то они не согрешили.

Лукреция. В чем вы хотите меня убедить?

Сострата. Дай себя убедить, доченька. Ужели ты не знаешь, что бездетная женщина и дома не имеет? Умри муж — и она остается одна-одинешенька, яко брошенное животное.

Тимотео. Клянусь вам, мадонна, монашеским своим званием, что для вас подчиниться желанию мужа

не большой грех, чем съесть кусок мяса в постную среду. Грех, как известно, смываемый одной каплей святой воды.

Лукреция. К чему вы меня склоняете, святой отец?

Тимотео. Склоняю к тому, за что вы по гроб жизни будете мне благодарны. А уж как вы будете радоваться через девять месяцев!

Сострата. Она сделает так, как вы говорите. Сегодня вечером я сама уложу ее в постель. Да чего ты боишься, дурочка? Да в нашем городе мигом сыщутся по крайней мере полсотни женщин, которые с радостью бы оказались на твоём месте, да ещё со всем усердием благодарили бы за то небеса.

Лукреция. Будь по-вашему, хотя и не думаю, что доживу до утра!

Тимотео. Не бойся, дочка, не бойся. Я буду молить за тебя Создателя, да ещё вознесу молитву ангелу Рафаилу, дабы он укреплял тебя в праведном твоём желании. Идите с миром и готовьтесь к таинству, ибо уже смеркается.

Сострата. Мир вам, отче.

Лукреция. Господи, спаси и помилуй. Матерь Пречистая, не допусти гибели моей!

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Тимотео, Лигурио, Нича.

Тимотео. Эй, Лигурио!

Лигурио. Ну, как наши дела?

Тимотео. Все улажено. Они пошли домой, готовые исполнить все, что требуется. Уверен, что никаких затруднений не возникнет, ибо мать будет при Лукреции неотступно и сама намерена уложить ее в постель.

Нича. Правда?

Тимотео. Ба! Да вы, кажется, излечились от глухоты?

Лигурио. Это святой Климентий смилоствивился над ним.

Тимотео. В благодарность надо бы пожертвовать на его образ, дабы весть о чудесном исцелении распространилась среди верующих во благо мне и вам.

Н и ч а. Давайте вернемся к делу. Как вы считаете, не будет ли жена противиться моей воле?

Т и м о т е о. Ручаюсь, что нет.

Н и ч а. Значит, я самый счастливый человек на свете!

Т и м о т е о. Еще бы! Вскорости будете баюкать мальчонку, а уж кому этого не дано, пусть пеняет на себя.

Л и г у р и о. Возвращайтесь к вашим молитвам, святой отец, и если еще что понадобится — мы сумеем вас найти. А вы, мессере, идите к жене, дабы укрепить ее в благочестивом решении. Я же поспешу к магистру Каллимако и потороплю его с зельем. Хорошо бы нам встретиться после захода солнца и обмозговать то, что мы замыслили на сегодняшнюю ночь.

Т и м о т е о. Бог в помощь!

КАНЦОНА

Приятно жить обманом!
Обман, невздам ты предел кладешь,
простор давая планам,
и горечи ты сладость придаешь.
Заблудших ты зовешь
на правый путь — и твой призыв по нраву.
Достоинства твои
обогащают божество любви.
И камни побеждаешь ты по праву,
и чары, и отраву.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

К а л л и м а к о, один.

К а л л и м а к о. Лигурио все нет, а мне бы так хотелось знать, до чего они там договорились! Ведь он должен был сюда прийти еще час назад. Я просто места себе не нахожу. Верно говорят, что счастье и природа уравновешены в нашей жизни. Только счастье тебе улыбнется, а тут уж природа в должной доле и зла подмешает.

Насколько возросла моя надежда, настолько же возросла боязнь. Неужто же мне, горемычному, суждено жить вот так, поочередно терзаясь то опасениями, то надеждами? И не подобен ли я кораблю, гонимому противными ветрами: чем ближе гавань, тем больше риску погибнуть. Безмозглость мессера Ничи вселяет в меня надежду, благоразумие и совестливость Лукреции повергает меня в уныние. Нигде и ни в чем не нахожу я себе успокоения. Порой я пытаюсь превозмочь себя, раскаиваюсь в сумасбродстве и думаю: «Что ты делаешь? Не спятил ли ты с ума? Ну, добьешься своего, а что дальше? Ты сознаешься в своем заблуждении, раскаешься в своих напрасных усилиях и позорных помыслах. Неужто тебе неведомо всегдашнее несоответствие между тем, что человек ищет и что находит? С другой же стороны, худшее, что может с тобой стрястись, — это смерть и прямая дорога в ад. Впрочем, сколько других-то померло! И сколько в аду дивных людей! И разве стыдно тебе будет очутиться в их обществе? Смотри своей судьбе в лицо, сторонись зла, но коли не сможешь его избежать — сноси ожидающую тебя расплату как мужчина, не падай духом, не расслабляйся, как женщина». Так я подбадриваю себя, но без особого успеха, ибо меня вновь и вновь обуревают неистовое желание хоть раз возлечь с нею, и я чувствую всем своим телом, что становлюсь сам не свой: ноги трясутся, внутри все переворачивается, сердце рвется из груди, руки опускаются, язык немеет, в глазах мутится, голова идет кругом. Уж скорее бы шел Лигурио, чтобы хоть ему излиться. Да вот и он, легок на помине, спешит сюда. От того, что он сейчас скажет, зависит — жить мне или умереть.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Лигурио, Каллимако.

Лигурио. Никогда еще я так страстно не желаю встретить Каллимако, и никогда еще мне не было так трудно его сыскать. Небось когда б я нес ему вести печальные, он бы предстал передо мной прямо как из земли. Забегал к нему домой, побывал на главной площади, на рынке, у дворца Спины, у лоджии Торнаквинчи

и не нашел его. Видно, у всех этих влюбленных шило в зад и усидеть на месте они не могут.

Каллимако. Похоже, что он ищет меня, да и вид у него, кажется, довольный. Эй, Лигурио, Лигурио!

Лигурио. Где же ты был, Каллимако?

Каллимако. Какие новости?

Лигурио. Преотличные.

Каллимако. Правда?

Лигурио. Самые что ни на есть лучшие.

Каллимако. Лукреция согласна?

Лигурио. Согласна.

Каллимако. А монах свое дело сделал?

Лигурио. Сделал.

Каллимако. О, благословенный пастырь! Вечно буду Бога за него молить.

Лигурио. Еще чего не хватало! Можно подумать, что Господь примет это за богоугодное дело. Да и от нашего пастыря молитвами не отделаешься.

Каллимако. А что ему надобно?

Лигурио. Деньги, понятно.

Каллимако. Дадим денег. Сколько ты обещал?

Лигурио. Триста дукатов.

Каллимако. Правильно.

Лигурио. Доктор уже сунул ему двадцать пять.

Каллимако. Как? Как?

Лигурио. Да вот так. Взял и выложил.

Каллимако. А мать Лукреции, она что-нибудь сделала?

Лигурио. Она-то и сделала самое главное. Когда она узнала, что дочери предстоит приятно провести эту ночь, и притом не беря греха на душу, она так надела на нее с просьбами, угрозами, ободрениями, что вынудила Лукрецию пойти вместе с ней к монаху, а там уже оба склонили ее к согласию.

Каллимако. Боже! За что ты даруешь мне такое счастье? Кажется, я умру от избытка радости.

Лигурио. Вот извольте видеть, что за народ пошел. То он собирается умереть от радости, то от горя, лишь бы умереть. Зелье готово?

Каллимако. Конечно.

Лигурио. Что ты ей пошлешь?

Каллимако. стакан подогретого вина с пряностями, которое очень бодрит тело и веселит голову... О, черт, я пропал!

Л и г у р и о. Это что еще выдумал?

К а л л и м а к о. И тут уж решительно ничто не поможет!

Л и г у р и о. Да говори же, что там за чертовщина?

К а л л и м а к о. Все пошло прахом, я лечу в пропасть.

Л и г у р и о. В чем дело? Отними руки от лица!

К а л л и м а к о. Разве ты не помнишь, что я сам пообещал Ниче помочь ему, тебе и Сиро схватить первого попавшегося забулдыгу и уложить его в постель к Лукреции?

Л и г у р и о. Ну и что же?

К а л л и м а к о. Как что? Да раз я с вами, стало быть, не могу быть этим первым попавшимся. Если же меня с вами не будет, Нича сразу же заподозрит обман.

Л и г у р и о. Ты прав. Но разве нет способа помочь беде?

К а л л и м а к о. Думаю, что нет.

Л и г у р и о. Ерунда, найдется!

К а л л и м а к о. Ума не приложу.

Л и г у р и о. Надо пораскинуть мозгами.

К а л л и м а к о. Если сейчас не придумаешь, я погиб.

Л и г у р и о. Придумал.

К а л л и м а к о. Что именно?

Л и г у р и о. Монах, который помогал нам до сих пор, поможет и в остальном.

К а л л и м а к о. Чем же он может помочь?

Л и г у р и о. Мы все переоденемся. Монах изменит голос, лицо, платье. Я же скажу доктору, что это ты. Он поверит.

К а л л и м а к о. Ловко! Ну а я что буду делать?

Л и г у р и о. Ты накинешь на плечи куцый дырявый плащ, возьмешь лютню и как ни в чем не бывало вынырнешь в нужную минуту из-за угла докторского дома, напевая песенку.

К а л л и м а к о. С открытым лицом?

Л и г у р и о. Конечно. Будь ты в маске, он мог бы заподозрить неладное.

К а л л и м а к о. А он не узнает меня?

Л и г у р и о. Не узнает, ты скривишь рожу, оскалишь зубы или оттопыришь нижнюю губу, зажмуришь один глаз. Ну-ка, попробуй.

К а л л и м а к о. Так?

Л и г у р и о. Нет.

К а л л и м а к о. А так?

Л и г у р и о. Еще сильнее.

К а л л и м а к о. Вот этак?

Л и г у р и о. Теперь что надо. Хорошенько разучи эту гримасу. Дома у меня есть приставной нос, нацепишь его.

К а л л и м а к о. А что потом?

Л и г у р и о. Как только ты появишься из-за поворота, мы на тебя накинемся, выхватим из рук лютюю, сцапаем, завяжем глаза, завертим на месте, отведем в дом и уложим в постель к хозяйке. А уж дальше дело твоего разумения, как сможешь!

К а л л и м а к о. Лишь бы проникнуть в постель.

Л и г у р и о. В постель-то ты проникнешь, а вот сможешь ли в нее вернуться — будет зависеть от тебя, а не от нас.

К а л л и м а к о. Как так?

Л и г у р и о. А вот так: за ночь ты должен расположить ее к себе, а перед расставанием во всем ей открыться, признаться в обмане, выказав всю свою любовь, убедить ее в том, что она, не боясь огласки и сраму, может стать твоей подружкой, а решившись на скандальную огласку — твоим врагом. Не может быть, чтобы она с тобой не спелась и не пожелала, чтобы ночь не была последней.

К а л л и м а к о. Ты думаешь?

Л и г у р и о. Тут и думать нечего. Не будем, однако, терять времени. Уже восемь. Кликни Сиро, пусть отнесет зелье, а ты ожидай меня дома. Я же пойду за монахом. Он переоденется, и мы с ним вернемся сюда, прихватим мессера и обтяпаем все остальное.

К а л л и м а к о. Молодец, Лигурио. Ступай!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

К а л л и м а к о, С и р о.

К а л л и м а к о. Сиро!

С и р о. Что угодно вашей милости?

К а л л и м а к о. Поди сюда.

С и р о. Я тут.

К а л л и м а к о. Возьми из шкафа в моей спальне

серебряный бокал, накрой его шелковым платком и принеси. Да смотри не пролей дорбóгой.

С и р о. Сию минуту.

К а л л и м а к о. Вот уже десять лет, как Сиро у меня, и все десять лет служил мне верой и правдой. Думаю, что и в этом случае на него можно положиться. Я хоть и не раскрывал ему моей уловки, но хитрая bestия, верно, уж и сам обо всем догадался. Пусть так, хлебом его не корми, только дай поучаствовать в какой-нибудь плутне.

С и р о. Вот бокал.

К а л л и м а к о. Отлично. Теперь живо к мессеру Ниче. Отдай ему зелье и скажи, что это лекарство жена его должна выпить сразу после ужина. А еще скажи, что чем раньше она поужинает, тем лучше. Да не забудь прибавить, что мы ждем его на углу ровно в десять, как условились. А теперь — одна нога здесь, другая там.

С и р о. Бегу!

К а л л и м а к о. Постой! Если доктор пожелает, чтобы ты подождал его, то подожди и возвращайся с ним вместе. Если нет — возвращайся один. Да гляди, чтобы все было исполнено в точности.

С и р о. Все как вы сказали.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

К а л л и м а к о, один.

К а л л и м а к о. Вот сижу, жду, когда придут Лигурио и монах, и думаю, сколь правы те, кто полагает ожидание тягостнейшим занятием. Уносясь в мечтах туда, где я могу оказаться через каких-нибудь два часа, и трепеща при мысли, что непредвиденный пустяк может погубить все мои надежды, я чувствую, как силы оставляют меня и тело мое сохнет. Случись это, нынешняя ночь станет для меня последней. Я либо утоплюсь в Арно, либо повешусь, выброшусь из окна, заколюсь кинжалом на пороге ее дома. Словом, наложу на себя руки, ибо без нее не жилец я на этом свете. Но вот, кажется, и Лигурио? Он самый. А с ним еще какой-то хромой горбун, не иначе как переодетый монах. Ох уж эта братия! Все на одно лицо! А вот еще кто-то к ним подошел. Похож на Сиро; верно, он уже отнес зелье и спешит домой. Подожду их тут, чтобы столкнуться окончательно.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Сиро, Лигурио, Каллимако, Тимотео, переодетый.

Сиро. Кто с тобой, Лигурио?

Лигурио. Один добрый человек.

Сиро. Он на самом деле хромо́й или прикидывается?

Лигурио. Не твоего ума дело.

Сиро. Рожа у него пройдошливая.

Лигурио. Отстань, не липни! Скажи лучше — где Каллимако?

Каллимако. Я здесь и рад вас видеть.

Лигурио. Каллимако, да осади ты своего дурачка Сиро, он и так уже нагородил невесть сколько ненужной чепухи!

Каллимако. Послушай, Сиро, сегодня ты будешь делать все, что скажет Лигурио, таков мой приказ. И что бы ты ни увидел, ни услышал, ни расчухал этой ночью — держи язык за зубами, если только дорожишь моим добром, моей честью, моей жизнью и своим собственным благополучием.

Сиро. Будьте спокойны, ни гугу.

Каллимако. Отнес доктору бокал?

Сиро. Отдал прямо в руки.

Каллимако. И что же он тебе сказал?

Сиро. Что все будет исполнено в точности, как вы сказали.

Тимотео. Это Каллимако?

Каллимако. К вашим услугам. Можете располагать мною и всем моим имуществом, как своим собственным.

Тимотео. Охотно верю. Со своей стороны я готов сделать для тебя то, чего бы никогда не сделал ни для кого другого.

Каллимако. Труды ваши не пропадут даром.

Тимотео. Хватит с меня и доброго твоего отношения.

Лигурио. Оставим любезности и перейдем к делу. Мы с Сиро пойдем переодеваться. Ты, Каллимако, сейчас пойдешь с нами, а потом ступай и делай, что тебе надобно. Святой отец подождет нас здесь, мы мигом вернемся и уже все вместе пойдем за мессером Ничей.

Каллимако. Пошли!

Тимотео. Я вас жду.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Тимотео, один.

Тимотео. Вот уж правду говорят, что дурная компания до добра не доводит. Сколь часто люди попадают в беду — кто за то, что слишком покладист, кто за то, что слишком изворотлив. Господь свидетель, что я и не помышлял кого-нибудь обидеть или притеснить; тихо сидел в своей келье, читал требник, вел душеспасительные беседы с прихожанами. Так вот, надо же, стал у меня на пути этот пройдоха Лигурио; дал ему палец, а он и всю руку схватил. Влип же я в историю! Одна надежда, что влипли в нее и многие другие. Вместе расхлебывать всегда легче. А вот и Лигурио со слугой.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Тимотео, Лигурио и Сиро, переодетые.

Тимотео. Ну как, дети мои?

Лигурио. Как мы выглядим?

Тимотео. Прекрасно.

Лигурио. Не хватает лишь мессера Ничи. Пойдем к его дому, уже начало десятого.

Сиро. Вон кто-то отворил дверь. Не разберу, он или слуга.

Лигурио. Он, он! Ха, ха, ха...

Сиро. Чего же тут смешного?

Лигурио. Да нет, ты только взгляни на него! Накинул кургузый плащик, эвон, вся задница наружу... Ну и чучело! На башке что-то вроде монашеской скуфейки, а еще шпажонку подвесил... Бормочет, вроде бы причитает. Не иначе приключилось что-нибудь с женой. Затаимся, послушаем.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Нича, переодетый.

Нича. И чего только не выкомаривала эта дурища! Служанку услала к матери, слугу в загородное имение. Тут она, впрочем, поступила разумно, а вот за то, что

она, прежде чем улечься в постель, закатила истерику, похвалить никак не могу. Визжала: «Не хочу... Как же так... К чему вы меня принуждаете... Мама, мамочка...» И кабы мать не приструнила ее, она бы нипочем не согласилась улечься. Ах, затряси ее лихорадка! Конечно, стыдливость женщине к лицу, но уж не в такой мере. Всем нам задурила голову, куриные ее мозги! А ведь, поди, если б кто сказал в ее присутствии: «Следовало бы повесить самую умную женщину Флоренции», она б мигом откликнулась: «А что я вам сделала плохого?» Ох, дура из дурищ! И все равно я знаю, что пусть и с бою, но крепость будет взята. И не такой я простак, чтобы не убедиться в этом собственными глазами... А между тем, кажется, я недурно вырядился. Ни один черт меня не узнает. Вроде бы кажусь повыше, постройнее, моложе. Да передо мной в таком виде любая баба не устоит, да еще и денег за свою ласку не возьмет. Но где же наши?

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Лигурио, Нича, Тимотео, Сиро.

Л и г у р и о. Вечер добрый, мессере.

Н и ч а. Ой, кто это?

Л и г у р и о. Не бойтесь, всего лишь мы.

Н и ч а. Стало быть, вы все в сборе? Не признай я вас сразу, отведали бы вы моего клинка. Это ты, Лигурио? Ты, Сиро? А то — сам маэстро? Правильно?

Л и г у р и о. Вы угадали.

Н и ч а. А здорово наш маэстро вырядился. Да его главный сыщик Флоренции нипочем не признает.

Л и г у р и о. Я заставил его засунуть в рот два ореха, чтобы изменить голос.

Н и ч а. Ну и болван же ты!

Л и г у р и о. Почему же я болван?

Н и ч а. А мне не мог этого подсказать? Я бы тоже обзавелся орехами. А то ведь знаешь, как легко узнать человека по голосу.

Л и г у р и о. Прощу, вот и на вашу долю.

Н и ч а. Что это?

Л и г у р и о. Восковой шарик.

Н и ч а. Дай сюда... Фу, черт, мерзость какая. Что б ты сдох, шельмец!

Л и г у р и о. Прошу прощения, я спутал маленько.

Н и ч а. Дьявол тебя побери... экая гадость... из какого это дерьма?

Л и г у р и о. Из алоэ.

Н и ч а. Будь ты проклят! Тьфу... Маэстро, а вы почему ничего не скажете?

Т и м о т е о. Лигурио обозлил меня.

Н и ч а. О! А голос вы лихо подделываете.

Л и г у р и о. Не станем терять время. Я буду вашим капитаном, слушай мою диспозицию. Тараним неприятеля «головой быка». Правым рогом будет Каллимако, левым — я, а между двух рогов помещаетесь вы, мессере. Сиро будет прикрывать нас с тылу. Боевой клич — «Святой Рогач».

Н и ч а. А что это за святой?

Л и г у р и о. Во Франции это самый почитаемый святой. А теперь — вперед! Исходная позиция вон на том углу! Чу! Я слышу лютню!

Н и ч а. Это он! Атакуем?

Л и г у р и о. Сперва вышлем разведку, чтобы точно установить, кто он. А там действуем согласно донесению разведки.

Н и ч а. Кто идет в разведку?

Л и г у р и о. Пойдет Сиро. Он знает, что нужно делать. Осмотрись, разведай и быстро сюда.

С и р о. Слушаюсь.

Н и ч а. Лишь бы не промахнуться. Вдруг это окажется какой-нибудь хилый или больной старикашка. Не пришлось бы нам завтра начинать все сызнова.

Л и г у р и о. Будьте покойны. Сиро такой ловкач, что не промахнется. Да вот он бежит сюда. Сиро, кого ты там обнаружил?

С и р о. Здоровенный детина, вы и представить себе не можете. Ему нет и двадцати пяти лет. Один, в коротеньком плаще, тренькает на лютне.

Н и ч а. Такой нам и нужен, если ты, понятно, разглядел его хорошенько. Но смотри, если что не так, все падет на твою голову.

С и р о. Все так, как я сказал.

Л и г у р и о. Пусть выйдет из-за угла, и тут-то мы на него и навалимся.

Н и ч а. Придвиньтесь ко мне, маэстро. Вроде мужик вы плечистый. Вот он!

К а л л и м а к о (поет).

Пусть черт придет к тебе в постель,
Раз уж мне прийти нельзя...

Л и г у р и о. Хватай! Отбери у него лютню!

К а л л и м а к о. Да что я вам сделал, люди добрые?

Н и ч а. А вот увидишь. Завязывай глаза, держи крепче!

Л и г у р и о. Крути его!

Н и ч а. Крутани еще разок! Еще! А теперь тащите его в дом!

Т и м о т е о. Дражайший мессере, с вашего разрешения, пойду отдохнуть, голова трещит так, что вот-вот расколется. И если не потребуется какой помощи — до завтра.

Н и ч а. До завтра, маэстро. Надеюсь, что мы и сами управимся.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Т и м о т е о, один.

Т и м о т е о. Они скрылись в доме, а я вернусь в монастырь. Вы же, почтеннейшие зрители, не браните нас и приготовьтесь бодрствовать всю ночь, ибо действие комедии продолжается. Я займусь молитвой, Лигурио и Сиро сядут за трапезу, поскольку сегодня они еще ничего не ели, мессере будет бродить по дому, поглядывая за тем, чтобы все шло как задумано. А вот Каллимако и Лукреция спать не будут, потому как будь мы с вами на их месте, то мы бы не спали.

КАНЦОНА

О, сладостная ночь,
о, тишина ночная,
когда влюбленным пылким не до сна!
Кто может им помочь,
блаженством наполняя,
когда не ты, что любящим верна?
Ты воздаешь сполна
измученным влюбленным
за долгое труженье.
И в ледяной крови
умеешь ты зажечь огонь любви!

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Т и м о т е о, один.

Т и м о т е о. Всю ночь сна ни в одном глазу! Так хочется поскорее узнать, чем кончилась вся эта проделка. Чтобы убить время, чего я только не переделал: совершил утреннюю молитву, прочел житие, зашел в церковь и засветил потухшую лампаду, переменял покров на чудотворной Мадонне. Сколько раз просил я братию держать ее в чистоте! А еще удивляются, что благочестия все меньше и меньше. Я помню, когда у нас бывало до пятисот пожертвованных образков, а теперь и двадцати не наберется. А ведь сами кругом виноваты, что не сумели поддержать доброй славы наших чудотворных ликов. Всякий-то день, бывало, ходили мы после вечерни крестным ходом и каждую субботу пели акафисты. Сами заказывали новые образки, на исповеди подвигали прихожан на все новые и новые приношения. Нынче мы все это забыли, а еще удивляемся, что рвение паствы охладело. Ох и безмозглая же у нас братия!.. Тс... слышу великий шум в доме мессера Ничи! Клянусь распятием, это они гонят взашей своего узника. Значит, я поспел вовремя. Видно, прозабавлялись до самого рассвета. Отойду-ка в сторону да послушаю, о чем они толкуют.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Н и ч а, К а л л и м а к о, Л и г у р и о и С и р о.

Н и ч а. Бери его за эту руку, а я за ту. А ты, Сиро, придерживай его сзади.

К а л л и м а к о. Только не бейте!

Л и г у р и о. Не бойся и проваливай побыстрее!

Н и ч а. Ну, дальше не пойдем.

Л и г у р и о. И не надо, скатертью дорога. Давайте только раза два крутанем его, чтоб не знал, откуда он вышел. Верти его, Сиро!

С и р о. Вот так!

Н и ч а. Ну-ка, еще разок!

С и р о. Извольте!

К а л л и м а к о. А моя лютня?

Л и г у р и о. Прочь, мошенник, катись отсюда! А будешь болтать — шею сверну.

Н и ч а. Все, удрал. Пошли переоденемся. Сегодня нам следует выйти из дому не поздно, дабы никто не заподозрил, что все мы провели бессонную ночь.

Л и г у р и о. Ваша правда.

Н и ч а. А ты вместе с Сиро поспеши к маэстро Каллимако и скажи ему, что дело обошлось как нельзя лучше.

Л и г у р и о. А что мы можем ему сказать? Ведь мы же ничего не видели. Вы помните, что, придя в дом, мы сразу же спустились в погребок выпить. А вы с тещей остались возиться с этим несчастным, и встретились мы только сейчас, когда вы нас кликнули помочь выпроводить его.

Н и ч а. И то правда. Тогда у меня есть что порассказать вам! Жена лежала в постели впотьмах. Сострата дожидалась меня на кухне. Я поднялся с этим лоботрясом наверх и, чтобы чего не проморгать, завел его в чуланчик возле столовой. Там мерцал маленький светильник, и потому лица моего он никак не мог разглядеть.

Л и г у р и о. Умно поступили.

Н и ч а. Я велел ему раздеться. Он было заупрямился, но я набросился на него с такой яростью, что он мигом сбросил с себя одежды и, думаю, готов был от страха не надевать их еще тысячу лет. Морда у него гнуснейшая: нос крючком и на сторону, рот кривой, но тело — какого ты в жизни своей не видывал и не увидишь: белоснежное, гладкое, упругое. А уж об остальном даже не спрашивай!

Л и г у р и о. Тут уж, извините, вы дали промашку; надо было обследовать все досконально.

Н и ч а. Не держишь ли ты меня случайно за дурака? Уж коль запустил руку в квашню, так месить до дна! Да и надо же было убедиться, что он здоров: а вдруг какие на нем прыщи да язвы? Хорош бы я был, скажи?

Л и г у р и о. Еще бы!

Н и ч а. Убедившись, что он здоров как бык, я выволок его из чуланчика и отвел в полной темноте в спальню, уложил в постель и, прежде чем уйти, на ощупь удостоверился, что дело идет на лад. Я ведь, как ты знаешь, не из тех, кого можно провести на мякине.

Л и г у р и о. Словом, вы провернули все это дело с величайшей предусмотрительностью!

Н и ч а. И вот, после того как я все потрогал и пощупал, я вышел из спальни, запер дверь на ключ и присоединился к теще, которая грелась у огня, и с ней мы скоротали ночь в многообразных беседах.

Л и г у р и о. О чем же вы беседовали?

Н и ч а. О дурости Лукреции, о том, сколь проще было бы, если б она уступила сразу, а не закатывала истерики. Потом разговор перескочил на ребенка. Мне так и кажется, что я нянчу этого сладкого малыша на руках. Когда я услышал, что часы пробили пять часов и вот-вот должно рассвети, я пошел в спальню. И можете себе представить, что лишь с превеликим трудом я сумел растолкать этого стервеца.

Л и г у р и о. Охотно верю.

Н и ч а. Видать, губа у него не дура! Но я все же его растолкал, позвал вас, и мы выпроводили его.

Л и г у р и о. Стало быть, дело чисто обделано.

Н и ч а. А знаешь, кого мне жаль во всей этой истории?

Л и г у р и о. Кого?

Н и ч а. Этого несчастного малого. Ведь он должен вскоре умереть. Вот во что обошлась ему эта ночка!

Л и г у р и о. Вот еще! Пусть у него болит голова.

Н и ч а. И то верно. А я жду не дождусь увидеть Каллимако, чтобы порадоваться вместе с ним.

Л и г у р и о. Он выйдет через час. Однако уже совсем рассвело. Мы пойдем переоденемся. А вы?

Н и ч а. Я тоже пойду надену нарядное платье. Потом подниму жену, велю ей хорошенько вымыться и пойти в церковь совершить очищение. Хорошо бы и вам с Каллимако прийти в церковь. Надо же поблагодарить святого отца и вознаградить за содеянное добро.

Л и г у р и о. Лучше не скажешь. Можете на нас рассчитывать.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Т и м о т е о, один.

Т и м о т е о. Разговор мне понравился, особенно принимая во внимание редкостную глупость мессера Ничи. Всего же более радуют меня последние его слова. И так как они собираются ко мне, то больше торчат

мне здесь нечего. Обожду-ка я их в церкви, где и стены помогут оценить мою добродетель повыше. Но кто это выходит вон из того дома? Похоже, что Лигурио, а с ним, верно, и Каллимако. Не хочу, чтобы они видели меня здесь, по сказанным выше причинам. А если даже они и не придут ко мне, я-то всегда смогу к ним зайти.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Каллимако, Лигурио.

Каллимако. Как я тебе уже сказывал, любезный Лигурио, поначалу мне было порядком не по себе, хоть и не скрою, что наслаждение я получил огромное. И все же дело казалось мне неладным. Потом же, когда я во всем открылся, объяснился в неслыханной своей любви, убедил, сколь счастливо и без боязни огласки, благодаря одной лишь глупости ее супруга, мы можем наслаждаться друг другом, клятвенно обещал жениться, лишь только Господь приберет его, она смягчилась. Правда и то, что, отведав разницу между моими ласками и ласками своего мессера, между поцелуями молодого любовника и поцелуями старого хрыгча, она, немного повздыхав, сказала: «Раз твоя хитрость и глупость моего мужа, простота моей матери и низость монаха побудили меня сделать то, чего бы я по доброй воле никогда не совершила, то я желаю думать, что все это было предназначено нам свыше, и потому я не вправе отвергнуть веление небес. Так будь же моим руководителем, моим защитником и полным моим хозяином. Ты мой отец, моя опора, единственное мое благо. И то, чего муж мой пожелал на одну ночь, пусть получит до конца своих дней. Ты сделаешься его кумом, сходишь сегодня утром в церковь, а оттуда придешь обедать вместе с нами, и в твоей воле будет приходить к нам и оставаться у нас сколько тебе захочется, и мы сможем проводить время вместе, не возбуждая подозренья». Услыхав эти слова, я едва не умер от наплыва чувств. Не мог высказать в ответ и малейшей частицы того, что чувствовал. Поверь, что я самый счастливый человек, какой когда-либо жил на свете. И если бы моему счастью не грозила ни смерть, ни время, я был бы блаженнее всех блаженных и праведнее всех праведников.

Л и г у р и о. Я безмерно рад твоему счастью. Теперь ты убедился, что все случилось именно так, как я тебе и предсказывал. Но что мы будем делать теперь?

К а л л и м а к о. Пойдем в церковь, ибо я обещал ей туда прийти. Она, Сострата и доктор будут нас ждать.

Л и г у р и о. Я слышал, как стукнула их дверь. Это они. Впереди мать и дочь, а позади Нича.

К а л л и м а к о. Пошли в церковь и там подождем.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Нича, Лукреция, Сострата.

Н и ч а. Лукреция, ты сегодня какая-то шалая, а тебе, напротив, следует преисполниться благостности и богобоязненности.

Л у к р е ц и я. Что же, по-вашему, я должна делать?

Н и ч а. Во-первых, не огрызаться! Ишь распетушилась!

С о с т р а т а. Не удивляйтесь. Она немного возбуждена.

Л у к р е ц и я. Что вы этим хотите сказать?

Н и ч а. Пожалуй, мне следует пойти вперед, поговорить со святым отцом и попросить его, чтобы он встретил тебя в дверях и повел к молитве, ибо сегодня ты все равно что снова родилась на свет.

Л у к р е ц и я. Чего же вы стоите?

Н и ч а. Вон какая ты сегодня языкастая, а вчера и слова вымолвить не могла.

Л у к р е ц и я. И все по милости вашей.

С о с т р а т а. Поспешите к святому отцу. Впрочем, можете не спешить. Вот он сам выходит из церкви.

Н и ч а. Вижу.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Тимотео, Нича, Лукреция, Каллимако, Лигурио и Сострата.

Т и м о т е о. Я вышел потому, что Каллимако и Лигурио предупредили меня, что мессере и дамы сейчас должны прийти.

Н и ч а. Vona dies, святой отец.

Т и м о т е о. Добро пожаловать. Благое вы сделали дело, да ниспошлет вам Господь хорошенького мальчонку.

Л у к р е ц и я. Дай Бог.

Т и м о т е о. Непременно пошлет.

Н и ч а. Кажется, я вижу в церкви Лигурио и маэстро Каллимако?

Т и м о т е о. Да, мессере.

Н и ч а. Позовите их.

Т и м о т е о. Идите сюда.

К а л л и м а к о. Храни вас Господь!

Н и ч а. Маэстро, дайте руку моей жене.

К а л л и м а к о. С радостью.

Н и ч а. Лукреция, вот кому мы обязаны, что у нас на старости лет будет надежная опора.

Л у к р е ц и я. Сердечно благодарна ему и очень бы хотела, чтобы он стал нашим кумом.

Н и ч а. Благослови тебя Бог за эту мысль! И я хочу, чтобы он и Лигурио пришли сегодня отобедать с нами.

Л у к р е ц и я. Непременно.

Н и ч а. И я дам им ключ от нижней комнаты, что рядом с лоджией, дабы они в любое время могли прийти, ибо женщин у них в доме нет и живут они аки твари неужоженные.

К а л л и м а к о. Принимаю его с великой радостью и буду пользоваться им всякий раз, когда возникнет охота.

Т и м о т е о. А деньги на подаяния могу я получить?

Н и ч а. Заверяю вас, святой отец, сегодня же они будут вам доставлены.

Л и г у р и о. Но неужели никто не вспомнит о нашем Сиро?

Н и ч а. Пусть просит. Ничего не пожалею. А ты, Лукреция, — сколько grosсов хочешь ты дать святому отцу за молитву?

Л у к р е ц и я. Десять.

Н и ч а. Ишь, разорительница!

Т и м о т е о. А вы, мадонна Сострата, вроде бы помолодели.

С о с т р а т а. Это от радости!

Т и м о т е о. Пошли в церковь, а помолившись, отправляйтесь домой обедать. Вы же, зрители, нас не дожидайтесь, мы не вернемся: служба длинная, я останусь в храме; а вот друзья наши поспешат домой. И потому — прощайте!